

Индо-Тихоокеанская политика Индии в оценках индийских исследователей

Виталий Евгеньевич Болдырев,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: boldyrev89@list.ru

В последние годы всё чаще стал употребляться термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР), это ставит Индию в центр создаваемого политического и исследовательского нарратива. С учётом данной тенденции в статье проанализирован фундамент современной внешней политики Нью-Дели, а также дискуссия индийских исследователей, работающих как на родине, так и за её пределами, которая касается индо-тихоокеанского курса страны. Они едины в том, что в условиях трансформации мировой системы международных отношений основы внешней политики Индии меняются: адаптируются многовековые столпы национальной культуры, вбираются отдельные элементы британского влияния. В то же время мнения экспертов и исследователей о первичности культурно-исторического базиса и политической практики в контексте современного курса Нью-Дели диаметрально расходятся. В аспекте практического курса внимание академического сообщества преимущественно сосредоточено на вопросах политики, безопасности и экономики. Ключевой угрозой во всех сферах обозначен Китай, тогда как вопрос о меньших угрозах и проблемах остаётся дискуссионным, зависящим от конкретной функциональной сферы. В политическом аспекте проблему представляет взаимодействие с США, которые, с одной стороны, способны выступить контрбалансом по отношению к КНР, но, с другой стороны, продвигают направления сотрудничества, чуждые для индийской политической традиции. В вопросах безопасности к партнёрству с Вашингтоном более благожелательное отношение, а критические высказывания об американской угрозе индийским интересам являются редким исключением. В экономической сфере ключевая критика связана с процессом правительственного планирования и практикой бюрократии, вследствие чего намеченные цели, как правило, не учитывают реальное положение дел, а проекты реализуются медленно.

Ключевые слова: Индия, Индо-Тихоокеанский регион, неприсоединение, мультитиприсоединение, экономика, политика, безопасность.

India's Indo-Pacific Policy in the Assessments of Indian Researchers.

Vitaliy Boldyrev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

In recent years, the term “Indo-Pacific region” has become increasingly common placing India at the center of the emerging political and research

narrative. Taking into consideration this trend, the paper analyses the foundations of New Delhi's current foreign policy and the discussions of Indian scholars, both at home and abroad, on the country's Indo-Pacific course. They are unanimous that as the global system of international relations is transforming, the foundations of India's foreign policy are changing: the centuries-old pillars of the national culture are being adapted and certain elements of British influence are being absorbed. At the same time, the opinions of experts and researchers are diametrically opposite on the primacy of the cultural and historical basis and political practice in the context of New Delhi's modern course. In terms of practical course, the attention of the academic community is primarily focused on political, security and economic issues. China is indicated as a key threat in all the fields while smaller threats and challenges remain debatable depending on the specific functional area. Politically, the cooperation with the US is a problem, which, on the one hand, can act as a counterbalance to the PRC but, on the other hand, promotes areas of cooperation that are alien to Indian political tradition. In terms of security, the partnership with Washington is viewed more favorably, and the criticism of the American threat to Indian interests is a rare exception. In the economic field, the key criticism is related to the government's planning process and bureaucratic practices. As a result, the intended goals do not usually face the facts, and the projects are implemented slowly.

Keywords: India, the Indo-Pacific region, non-alignment, multi-alignment, economics, policy, security.

Со второй половины 2010-х гг. в политических, академических и экспертных кругах стал активно продвигаться индо-тихоокеанский нарратив. Одним из наиболее активных участников этого процесса является Индия: с одной стороны, терминологически она поставлена в центр региона, с другой — оказалась первой страной, в которой была разработана стратегия, являющаяся по сути индо-тихоокеанской. Она была принята в 2015 г. и касается широкого спектра морской деятельности в Индийском океане и прилегающей акватории соседних районов. В ней затронуты проблемы торговли, военного присутствия, борьбы с нелегальной деятельностью на море, проведения спасательных операций, защиты природы, транспортной связанности литоральной зоны [21]. В 2019 г. в ответ на официальную стратегию оппозиционная партия Индийский национальный конгресс (ИНК) подготовила стратегию национальной безопасности как собственное партийное видение тенденций и проблем развития, как внутри самой страны, так и в её индо-тихоокеанском окружении [24]. Вследствие того, что в республике возникли сразу два политических индо-тихоокеанских нарратива, официальный и оппозиционный, оба характеризовавшиеся индоцентричностью, а также в связи с реализацией правительственного курса, обеспечивавшего возвышение страны при существующих преимуществах и ограничениях, Индия оказалась в центре

внешнеполитического внимания других государств. Вследствие этого необходимо проанализировать, как в самой Индии оценивается региональная политика страны.

За последнее десятилетие индийскими исследователями, работающими как на родине, так и за её пределами, было издано значительное количество трудов, посвящённых индо-тихоокеанскому курсу страны, поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы систематизировать оценки курса Нью-Дели в ИТР. Соответственно ставятся задачи идентифицировать основы современной внешней политики Индии, в том числе через призму оценок современных исследователей, выявить её наиболее важные, с точки зрения академического сообщества, функциональные направления, проанализировать оценки правительственного курса, реализуемого в их рамках.

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

По распространённому мнению, фундамент современной внешней политики Индии формируют древнейшие цивилизационные столпы, определяющие логику политического поведения, факторы и практика внешнеполитической идентификации, совокупность пространственного, временного и проблемного контекстов внешней политики. В целом они указывают на проблему преемственности и новаторства.

Из цивилизационных столпов индийской внешней политики выделяются два. Первый из них представлен усилением позиций индуистской культуры в политической среде с рубежа 2000—2010-х гг., следствием которого стало длительное правление Бхаратия Джаната Парти (БДП), что, по мнению С.К. Митры, закрепило тенденцию на отход от прежней внешней политики периода господства Индийского национального конгресса, которая не была ни индуистской, ни религиозной, но опиралась на традиционную для партии платформу либеральных ценностей [34, р. 183—184, 189]. На политическую практику это повлияло следующим образом. Прежде всего, с расчётом на долгосрочную перспективу правительство приступило к написанию новой истории государства, в основе которой лежат представления о великом индуистском, доисламском прошлом, на котором покоится современная Индия. Эту концепцию намереваются реализовать как через внедрение новых школьных учебников, так и через создание академических исследований, подкрепляющих правительственный нарратив [6]. Это указывает на долгосрочную линию БДП по формированию новой политической и иной элиты, воспитанной на индигенных ценностях,

а не на привнесённых извне. Это подтверждает и современная практика по замещению вакантных должностей в МИД Индии: взят курс на сокращение числа сотрудников внутренней и заграничной служб, выпустившихся из зарубежных, главным образом британских, университетов, в то время как предпочтение отдаётся кандидатам, получившим образование непосредственно на родине, впитавшим индуистские ценности и традиции, а не либеральные [30].

Если индуизм, по оценке Х. Киры, способен в современной Индии сыграть роль фактора, интегрирующего внутреннюю и внешнюю политику в единое целое [30], то к древним национальным источникам внешней политики стоит отнести Артхашастру.

На экспертном уровне одни из первых отсылок к древнему трактату были сделаны С.Р. Моханом в середине 2000-х гг. По его мнению, в соответствии с индийским стратегическим мышлением мир делится на три концентрических кольца. Первое кольцо представлено ближайшим окружением, которое воспринимается сферой преференциальных интересов Индии, где она не потерпит влияния другого государства. Второе кольцо представлено более широким кругом азиатских соседей и странами Индийского океана, где ключевое стремление заключается в том, чтобы уравновесить влияние других держав. Третье кольцо распространяется на весь мир и связано с целью Индии занять место одной из великих держав [2].

Делаемая в правительственной стратегии ставка на развитие морских торговых связей и континентальных транспортных коридоров, укрепление вооружённых сил [21] также обнаруживает связи с ключевыми положениями Артхашастры, которые ориентируют на активизацию как морской, так и сухопутной торговли, а также на постоянную готовность к ведению военных действий (цит. по: [20]).

В то же время было бы ошибочным искать основания внешней политики современной Индии исключительно в её индуистском прошлом, игнорируя постколониальный период. Именно в ходе последнего появился принцип неприсоединения, который предполагал равноудалённость от сверхдержав, развитие отношений со странами Юга и обеспечение доминирования в Южной Азии как мирными, так и военными (в случае с КНР и Пакистаном) методами [1, с. 104—105; 23; 34]. В этих условиях выкристаллизовались ключевые, с точки зрения В.И. Попова, особенности индийской дипломатии: высокая компетентность в рамках многосторонней дипломатии, способность проводить сравнительно подробное деление стран на группы в контексте тех или иных практических вопросов, высокая заострённость на практической стороне дела, анализе возможностей по реализации конкретных инициатив и проектов [3, с. 277—279].

С.К. Митра обратил внимание ещё на одну важную черту современной индийской внешнеполитической практики, которая описывается как смешение укладов мышления, разного практического опыта [34]. Всего выделяется три эпохальных среза. В рамках первого, доколониального, были отточены механизмы управления, зафиксированные в Артхашастре, которые ориентировали не только на создание собственных альянсов и подрыв альянсов врага, но и на реализацию сложной стратегии в отношении каждой из групп государств, предполагавшей заключение союзов, сеяние интриг, ведение войны, занятие нейтральной позиции. При этом конфигурации, реализуемые на практике, зависели от конкретных обстоятельств (цит. по: [20]).

Колониальный опыт, заключавшийся в построении британскими властями краткосрочных, ситуативных альянсов, по оценкам С.К. Митры, нашёл поддержку в индийском обществе, опиравшемся на традиционные основы политического мышления предыдущей эпохи. Их совокупность впоследствии раскрылась в постколониальный период. Для его внешнеполитического мышления характерны следующие особенности: сравнительно дробное деление стран на группы в зависимости от контекста проблемы, тщательная расстановка нюансов, способность разводить вопросы сотрудничества и проблемы в рамках двусторонних отношений, построение альянсов с близкими по духу странами [34, р. 41].

Глубокая трансформация миропорядка в начале 1990-х гг. стала исходным моментом для всестороннего переосмысления индийской внешней политики, связанного с поиском новых оснований.

Распад биполярной системы и Советского Союза не только лишил смысла прежний курс, основанный на идеях неприсоединения, но и делал невозможной реализацию стратегии Дж. Неру, представленную им в 1947 г.: «Если возникнет большая война, у нас нет никаких особых оснований тут же вступать в неё... если нам удастся этого избежать, а когда придёт время делать выбор, мы примкнём к той стороне, присоединиться к которой будет в наших интересах» (приводится по: [1, с. 104]). Слабость постсоветской России и внутренние проблемы, по оценкам С.К. Митры, вынудили Индию пойти по пути либерализации экономики, интеграции в мировую рыночную экономику и, как следствие, сделать ставку на взаимодействие с западными партнёрами [34].

С.Р. Мохан, анализируя окончание биполярного противостояния, подчёркивает, что оно привело к возникновению международно-политического вакуума. Это давало Индии больше свободы в вопросах внешнеполитического планирования, которая привела к перестройке внешних контактов: был изменён подход к ближайшим соседям, отношения с ведущими державами мира

приобрели более равновесный характер, а ключевым оппонентом всё больше стал восприниматься Китай [2].

По оценкам Г. Халди, в этом контексте наиболее проблемным сектором была инфраструктура. Представляется возможным выделить по крайней мере две стратегии её модернизации. Первая применялась в отношении портов и была ориентирована на обновление мощностей, принципов управления, а также на сохранение государственного контроля над ними как ресурсом, обеспечивающим невоенную морскую мощь государства. Эта стратегия была реализована в отношении 12 ведущих портов, принадлежавших государству, с целью придать им больше черт корпоративного управления. Однако последовавший рост промышленного производства фактически определил модель существования портов, ориентированных на рост экспорта, а не на прибыли от операций. Как следствие, для формирования рыночной модели портового хозяйства в крупнейшие порты страны были допущены частные компании, которые инвестировали в создание новых терминалов [23, p. 245—281].

В вопросе модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры Нью-Дели придерживался иной стратегии. Отдельные её элементы упоминаются Р. Бора [10], С. Митрой [34] и Г. Халди [23, p. 245—281]. С одной стороны, индийская сторона пошла на привлечение инвестиций стран коллективного Запада в модернизацию электростанций, железных дорог, связанной с ними инфраструктуры и создание соответствующих машиностроительных предприятий. С другой стороны, Нью-Дели продолжил расширять связи с незападными странами, в первую очередь с Ираном, как поставщиком нефти, с Бутаном, как страной, имеющей наибольший потенциал для строительства ГЭС, с Мьянмой и Бангладеш для реализации транспортных коридоров и развития интеграционных проектов, связывающих Южную и Юго-Восточную Азию (ЮВА).

Таким образом, стремление к модернизации инфраструктуры высвечивает три ключевых характеристики индийского курса в постбиполярном мире: сохранение у государства средств и инструментов по поддержанию господства в разных сферах, более тесное, чем прежде, сотрудничество со странами либерального Запада, но сохранение и развитие при этом отношений со странами незападного мира, что было характерно для политики неприсоединения.

При этом для Индии в постбиполярном мире сохранялся и комплекс южноазиатских проблем, который характеризовался наличием пограничных конфликтов и необходимости поддержания статуса наиболее сильной державы региона, способной обеспечить интеграцию. Начиная с 1991 г. Нью-Дели добился здесь

противоречивых результатов. С одной стороны, как отмечают С.К. Митра и Н. Каул, Индия достигла определённых успехов. К ним относится мирное решение пограничных проблем с Бангладеш и Бутаном, малыми странами, которые имеют тесные связи с ней на протяжении десятилетий [25; 34]. Это позволило выступить с Инициативой стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК) для развития сотрудничества со странами региона.

С другой стороны, имеет место ряд неудач. Не получилось решить территориальные споры с Пакистаном и Китаем, а интеграционные инициативы в Южной Азии так и не заработали. Последнему, по мнению исследователей, существует два объяснения. Во-первых, ни одна из стран региона и ближайших соседей из ЮВА не может сравниться с Индией по экономической мощи [39], во-вторых, индийскую сторону упрекают в излишней тщательности при оценке и экспертизе проектов [42].

В целом материалы дискуссии, посвящённые постбиполярному курсу, указывают на то, что в центре внимания исследователей находятся как прежние, так и новые черты индийской внешней политики. С одной стороны, упоминаются развитие отношений со странами незападного мира, высокая аналитическая проработка вопросов сотрудничества, которые характеризовали курс Дели в период биполярного мира. С другой стороны, отмечается, что заложенная Дж. Неру политика неприсоединения после 1991 г. оказалась малоэффективной, более интенсивными стали контакты с Западом, началось внедрение либеральной модели в экономике, а межгосударственные отношения характеризуются большей диверсификацией связей.

Соединение прежних и новых элементов в современной внешней политике Индии вызвали дискуссию о её основополагающем принципе. Она характеризуется двумя точками зрения. Первую из них представляет С.К. Митра. По его мнению, глубокая трансформация мира, рост многополярности, необходимость больше уделять внимания структуре международных отношений способствовали тому, что её основой стала идея прагматического неприсоединения. Ключевыми элементами нового внешнеполитического прагматизма Индии названы отказ от доминирования моральной составляющей при определении генеральной и составных линий внешней политики, придание ей характера нуклеарности, постановка индийских интересов на первое место, международная вовлечённость, сохранение приверженности ключевому положению неприсоединения — не вступать в долгосрочные союзы с ведущими державами. Эти элементы способствовали появлению других характеристик внешнего курса Нью-Дели. Он обрёл

большее количество нюансов в тех вопросах, которые касаются долгосрочных принципов и материальных интересов. Подход к международным отношениям стал более комплексным: в соответствии с ним отношения с конкретным государством дробятся на отдельные функциональные проблемы, которые могут иметь или позитивное значение, или негативное влияние. Эти проблемы, соответственно, разводятся по разным каналам взаимодействия. Наконец, индийское правительство часто идёт на создание краткосрочных, ситуативных альянсов со странами, чьи воззрения на данную проблему близки индийской позиции, с целью добиться благоприятных для себя результатов, что не исключает критику и оппонирование в других вопросах [34, р. 308, 311—312].

Вторую точку зрения представляет Р. Бора, по мнению которого внешняя политика Индии характеризуется мультиприсоединением, пришедшим на смену неприсоединению. Причиной этого транзита называется усложнение архитектуры мира, выразившееся в изменении природы вызовов и возможностей. Это вынудило индийское правительство стать членом ряда международных организаций и форматов, что потребовало настраивать более тесные, чем прежде, кооперационные отношения со странами, в которых размещены их штаб-квартиры. Другим проявлением мультиприсоединения названа диверсификация контактов в рамках конкретных функциональных полей. Третьим стал набор региональных политик с чётко определёнными ключевыми целями. Так, политика взаимодействия с государствами Южной Азии предполагает обеспечение всестороннего доминирования Индии в регионе, а курс в отношении морских стран бассейна Индийского океана нацелен на рост значимости морской торговли с ними. В качестве четвёртого элемента мультиприсоединения называются временные союзы по интересам. При этом Р. Бора указывает, что их продолжительность прямо зависит от того, насколько долго интересы Индии и другой стороны будут им выгодны [10, р. 45—46].

Таким образом, дискуссия об основах современной внешней политики Индии касается соотношения двух аспектов — фундаментальной базы и практики, а также влияния трансформаций постбиполярного мира. В целом исследователи сходятся во мнении, что последние сыграли решающую роль в изменении внешнего курса Нью-Дели. В то же время в вопросе приоритета фундаментальных основ и практики присутствуют две противоположные точки зрения. Одни исследователи, в частности Си Раджа Мохан, С.К. Митра, Х. Кира, указывают, что современная индийская политика опирается на ряд фундаментальных, прежде всего культурных, оснований (индуистская культура, культура взаимодействия, культура внешнеполитического планирования

и мышления), а практика по отношению к ним является вторичной. Другие — Г. Халди, Р. Бора, Л. Ясмин, Н. Каул — наоборот, настаивают на том, что именно внешнеполитическая практика формирует постулаты современного курса Нью-Дели.

В целом анализ исследований, посвящённых индо-тихоокеанскому курсу Индии и опубликованных за последние семь лет, позволяет выделить три ключевых пласта проблем, привлёкших наибольшее внимание экспертного и академического сообществ Индии и индийской диаспоры. Первая группа представлена политическими проблемами, вторая — вопросами безопасности и присутствия на море, третья — развитием экономики и энергетики.

ОЦЕНКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Проблемы современного политического курса Индии, по оценкам исследователей, стали прямым следствием распада биполярной системы международных отношений и кризиса классической политики неприсоединения. Они вызвали к жизни два направления академической дискуссии в Индии. Первое касается изменения структуры партнёров. Второе связано с положением Индии в контексте противостояния ведущих держав, США и Китая.

Смещение экономических и политических интересов происходит в пользу более близкого географического окружения. Первыми, в отношении которых произошёл этот реверс индийской внешней политики, стали страны АСЕАН. В течение последовавших 30 лет Нью-Дели предпринимал усилия по укреплению и институционализации своих отношений с государствами ЮВА: была запущена инициатива БИМСТЕК, ежегодно стало использоваться около 30 механизмов диалога в рамках региональных организаций, субрегиональных инициатив, различных специальных форматов интеграции и партнёрства, в которые были вовлечены страны АСЕАН [35; 40].

Эти усилия способствовали росту влияния Индии в Юго-Восточной Азии, которая связывает первую с тихоокеанским регионом вследствие своего географического положения. Считается, что укрепление индийских позиций в АТР способствует развитию отношений Нью-Дели со странами Восточной Азии и Австралией. При этом последняя рассматривается как естественный партнёр Индии в контексте современного индо-тихоокеанского нарратива. Этот аргумент подкрепляется тем, что в политической сфере именно в Канберре впервые использовали слово «индо-тихоокеанский» в политическом контексте в ходе дебатов о создании Индо-Тихоокеанского совета при МИД в 1948 г.

Другим значимым регионом для Индии называются страны Ближнего Востока, являющиеся основным поставщиком нефти, которая остаётся главным средством их доминирования в ИТР, но представляющие нестабильный регион с множеством внутренних и международных конфликтов. Поскольку интересы Индии, как импортёра нефти, и стран Ближнего Востока, как её экспортёров, чья сила основана во многом на её поставках, совпадают, предлагается создать для региона гибкую систему безопасности, которая касалась бы военных, экономических, социальных, экологических вопросов [8].

Однако на стремление Нью-Дели играть более значимую роль на пространстве Индийского океана ограничение накладывает противостояние двух ведущих держав современности, США и КНР. Проблема балансирования между ними имеет большое значение для академической дискуссии.

Изначально в контексте Индо-Пацифики Соединённые Штаты присутствовали на Ближнем и Среднем Востоке в рамках антитеррористической и иракской кампаний, а также посредством военных баз. Однако в дальнейшем произошла активизация внешней политики Китая, связанная с усилением его вооружённых сил, интенсификацией акваториальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ), запуском инициативы «Пояса и пути», обострением конкуренции с Индией в Южной Азии, исконной сфере влияния Нью-Дели.

В этих условиях, как отмечает В. Чандра, опоры на традиционных партнёров в Восточной Азии для США оказалось недостаточно, как следствие, американское правительство сделало ставку на укрепление отношений с Индией [11].

Здесь она столкнулась со сложным выбором: как выстоять в противостоянии с Китаем, не попасть в орбиту американского влияния и сохранить независимую внешнюю политику. Иными словами, Нью-Дели оказался в ситуации, когда, говоря словами П. Кумара, стало необходимым мягкое балансирование, под которым понимается построение системы множества партнёрств, сдержек и противовесов. Партнёрские отношения могут быть развиты в тех сферах, где существует взаимопонимание между сторонами, сдержки будут появляться в вопросах, обнаруживающих непреодолимые расхождения во взглядах, противовесы — там, где партнёрство со вторым государством может предостеречь третью сторону от потенциальных попыток навязать своё видение одному из них [31].

С одной стороны, исследователи выделяют ряд сфер, в которых взгляды и интересы Индии и США близки или совпадают: обе страны считают международное право, базирующееся на определении суверенитета, основой современных международных отношений;

Вашингтон и Нью-Дели видят в либеральной демократии способ построения лучшего мира, который позволяет эффективно бороться с пережитками традиционных обществ; между ними существует длительное антитеррористическое и военное взаимодействие, обе стороны являются членами «четвёрки», которая обладает потенциалом сдерживания Китая. Более того, оценивается, что стратегическое взаимодействие двух стран в перспективе может стать действенной альтернативой китайской стратегии [11; 37].

С другой стороны, ряд исследователей и экспертов указывает на существующие между Индией и США разногласия. Во-первых, Нью-Дели не считает, что нарушение прав человека является поводом для интервенции, если нет соответствующих санкций Совбеза ООН, излишняя активность в вопросах военного сотрудничества США с Индией, Австралией и странами Восточной Азии превращает их в пояс сдерживания Китая, что провоцирует его на более агрессивную политику в отношении Индии. Кроме того, в контексте сотрудничества с зарубежными партнёрами военно-морская и антитеррористическая стратегии Индии оцениваются как недостаточно интегрированные, а вследствие тесного многоаспектного взаимодействия с Вашингтоном Нью-Дели может потерять стратегическую автономию [11; 18; 33].

На стыке проблем расширения географии партнёрских отношений, конкуренции ведущих держав с учётом негативного влияния их политики на интересы Индии в целом строится перспективное видение её индо-тихоокеанского курса исследователями.

Китай для Индии представляется многомерной политической угрозой. Так или иначе она связывается с инициативой «Пояса и пути». В целом в Индии высока обеспокоенность тем, что, используя свою мощь, КНР предпримет усилия по превращению себя в центр Индо-Пацифики. В сугубо политическом аспекте ключевые проблемы проистекают из китайских трактовок международного морского права, которые восходят к китайскому национальному праву, возникшему в прежнюю эпоху китаецентричной системы международных отношений в Восточной Азии, и непринятию его другими государствами, опирающимися на современное международное, по своей сути европейское, право, основанное на понятии суверенитета. По мнению индийских экспертов, наиболее рельефно эта ситуация проявилась в регионе ЮКМ, а её гипотетическая проекция на регион Индийского океана вызывает наибольшее их беспокойство. В этой ситуации предпочтительным способом противодействия КНР индийские эксперты называют скоординированные действия Индии, США и других стран, которых касаются перечисленные китайские угрозы, направленные на снижение градуса агрессивного поведения Пекина [10, р.155—158; 29].

Австралия для Индии важна как проводник её интересов в вопросах безопасности. С одной стороны, Канберра рассматривается как надёжный партнёр в вопросах сдерживания Пекина. С другой стороны, она является эффективным проводником индийских интересов в США. Результатом последнего взаимодействия стало расширение повестки «четвёрки» за счёт вопросов технологического развития, борьбы с изменением климата, содействия либерализации торговли, решения проблем нетрадиционной безопасности [18; 37; 41].

Страны АСЕАН, которые выступили первыми партнёрами Индии в вопросе перестройки контактов после холодной войны, по мнению ряда исследователей, занимают важное место в политических интересах Нью-Дели в контексте американо-китайского противостояния. Во-первых, Индия является членом «четвёрки» как элемента сдерживания КНР, в то же время США и Австралия, два других её члена, не скрывают стремлений подорвать единство АСЕАН [7]. В этих условиях более тесное политическое взаимодействие Индии и стран ЮВА позволит ей построить контрбаланс в отношении «четвёрки» [35]. В этом контексте, по мнению С. Даса, необходимо особое внимание уделять разработке норм поведения и права, чтобы совместно выстроить выгодный для сторон региональный баланс, который защитит бы регион от чрезмерного американского и китайского влияния [18].

Во-вторых, страны АСЕАН рассматриваются в Нью-Дели как партнёры для сдерживания КНР. Здесь выделяются два элемента. Первый касается развития взаимодействий между странами БИМСТЕК с целью ослабить всестороннее китайское проникновение в регион Бенгальского залива и тем самым поддержать более благоприятную для Индии архитектуру отношений [28]. Второй элемент предполагает укрепление связей с Вьетнамом на двусторонней основе. Исходным императивом для его развития является то понимание, что китайская политика в отношении Пакистана и ЮКМ преследует одинаковую цель — ослабить соседние страны, Вьетнам и Индию. Это обуславливает их взаимодействие по широкому спектру вопросов, включая военные, что позволит в будущем превратить Вьетнам в одного из ведущих партнёров Индии в ЮВА, вырвать двусторонние отношения из контекста противостояния, поставив их на самостоятельный фундамент [15].

Таким образом, в дискуссии, посвящённой политической проблематике, чётко прослеживается влияние и внешнеполитических, и географических принципов, заложенных в национальных стратегиях. Фундаментальной основой стало мультиприсоединение, в соответствии с которым предлагается система сдержек и противовесов в отношении государств, вовлекаемых в орбиту

индийской внешней политики. Дробное географическое деление позволило чётче обозначить политические интересы в отношении ключевых стран и субрегионов ИТР, соотнести структуру взаимодействий со сложной внешнеполитической повесткой Нью-Дели.

ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Второй проблемный блок индийской дискуссии связан с обеспечением безопасности или, если следовать цивилизационной логике мышления, с формированием благоприятного окружения. В целом материалы дискуссии свидетельствуют, что ключевыми аспектами являются комплекс морских и военно-морских проблем и борьба с терроризмом. Главными угрозами называются Китай, Пакистан. К числу угроз в материалах дискуссии причисляются и США.

Считается, что разработка современной морской стратегии Индии стала реакцией на усиление морской политики КНР, которая, по мнению индийских экспертов, выступает составляющей инициативы «Пояса и пути». Здесь ключевыми угрозами для Индии называются возросшая военная активность Китая в ЮКМ и инициатива «Морского шёлкового пути». Высказываются опасения, что первая в перспективе способна блокировать движение индийских судов через Малаккский пролив, вторая имеет потенциал нарушить транспортные связи индоокеанских стран с другими участниками международного судоходства, вследствие чего в Азии может сформироваться китаецентричный рынок [12; 15; 19; 22]. Реже встречается точка зрения, что индо-китайское противостояние на море вызвано индо-тихоокеанским нарративом, который спровоцировал политизированную активность КНР в регионе. Как следствие, это противостояние приобрело характер конкуренции между индо-тихоокеанским курсом, проводимым Нью-Дели, и анти-индо-тихоокеанским курсом, реализуемым Пекином [29].

Усилия индийского правительства по купированию этой угрозы экспертным и академическим сообществом оцениваются положительно, и основной акцент сделан на инструментах по её ослаблению, реализуемых как внутри Индии, так и на международной арене.

Первый регион, который обозначается пространством военноморского противостояния, охватывает страны Бенгальского залива. Наибольшие опасения индийской стороны связаны с гипотетическим шагом КНР по перекрытию Малаккского пролива и поставками подводных лодок Бангладеш, Мьянме и Таиланду. Вследствие этого шага, по оценкам Г.С. Кхураны, Китай получил «виртуальные базы», так как он связан с налаживанием

дальнейшего военно-технического и сервисного взаимодействия с ключевым региональным оппонентом Индии [26].

Второй регион лежит к западу от Индостана. Здесь КНР создаёт следующие болевые точки для Индии. Главная из них связана с китайско-пакистанским военным и технологическим сотрудничеством, следствием которого, как полагает Г.С. Кхурана, стало укрепление позиций Исламабада в контексте пограничного конфликта и взаимного ракетно-ядерного сдерживания с Нью-Дели [27]. В качестве второй точки А. Сингх называет укрепление военно-морского взаимодействия Ирана, Китая и России. Этот факт позволил ему предположить, что Москва помогает Пекину в вопросах планирования операций на море [4].

Анализируя реакцию Нью-Дели в Бенгальском регионе, А. Пракаш и В. Мишра обратили внимание на два ключевых шага, реализованных в пределах самой Индии. Во-первых, размещение соединения кораблей на Андаманских и Никобарских островах позволит защитить важные торговые пути, внешние границы исключительной экономической зоны (ИЭЗ), укрепить суверенитет Индии [37]. Во-вторых, усилия по модернизации портов на восточном побережье называются средством устранения главного инфраструктурного препятствия для роста торговли с Таиландом и, как следствие, укрепления позиций Индии на море к востоку от Индостана [14].

Другие ответные шаги реализовывались через двух- и многостороннее сотрудничество Индии с рядом стран, которое дополняло существующий комплекс международных учений ВМС. Здесь в рамках дискуссии основное внимание уделяется следующим аспектам. Во-первых, было налажено взаимодействие на море с ближайшими соседями. Со странами БИМСТЕК усилился информационный обмен, были решены правовые проблемы, сдерживавшие хозяйственную деятельность, главным образом рыболовство [26]. Более глубоким стало взаимодействие с Индонезией: оно включает разграничение национальных ИЭЗ, проведение морской границы между государствами и обеспечение её безопасности, в том числе в контексте нетрадиционных морских угроз (нелегального судоходства, пиратства) [22]. Во-вторых, для развития вооружённых сил, способных сдерживать китайский флот, была развита военно-техническая кооперация с США в вопросах производства противолодочных ракет и авиации [37], а также с Вьетнамом, с которым Индия заключила контракт на строительство патрульных кораблей [15]. В-третьих, для создания противовеса китайским базам и для контроля за коммуникациями флота НОАК Индия подписала и реализует ряд военных соглашений со странами Индийского океана: с Оманом и Катаром — о материально-техническом

обеспечении ВМС и проходе кораблей, с Сингапуром — о стратегическом военном партнёрстве, с Сейшельскими островами, Маврикием и Шри-Ланкой — о размещении радаров. В-четвёртых, Нью-Дели развивает политические отношения: контакты в рамках «четвёрки», нацеленные на координацию действий стран-участниц, которые подразумевают сдерживание КНР [22].

Доминирующему мнению противостоит точка зрения С. Даса, который считает, что угроза Индии на море исходит не только от Китая, но и от США. Делая прогноз американского курса в ИТР, он отметил следующие его особенности и последствия для Индии. Американская угроза связывается с международным положением Австралии, которая, с одной стороны, переживает глубокий кризис отношений с КНР, а с другой, согласно прогнозам, будет активно вовлекаться Соединёнными Штатами в новые форматы взаимодействия, в том числе сугубо военно-политического характера. Следствием был назван рост нежелательного для Индии американского военно-политического влияния в регионе, определяемого внутривосточной конъюнктурой в Вашингтоне, непостоянной политикой США, которая зависит от сменяющих друг друга инициатив, стратегий, проектов. Чтобы преодолеть ограничения, накладываемые соперничеством ведущих держав, С. Дас предлагал развивать кооперацию между странами Индийского океана таким образом, чтобы доминировала связка «море — море», противопоставленная связке «море — суша» [18]. Это позволило бы поставить комплекс морских вопросов (голубая экономика, безопасность, продовольствие и др.) в центр взаимодействия, перестать воспринимать морское пространство связующим звеном континентов.

Под несколько иным углом видит проблему С. Кхурана. По его мнению, она состоит не только в США, но и в других странах, имеющих мощный флот, который оценивается исследователем как ключевой силовой инструмент политики на пространстве Индийского океана. В качестве решения им предлагается создание сильного национального флота, способного обеспечить более надёжные позиции для Индии [27].

Наконец, точка зрения А. Сингха указывает на то, что Россия начинает восприниматься страной, вызывающей беспокойство ввиду её военного сотрудничества с КНР, которому противопоставляется военное взаимодействие России и Индии, охватывающее большее количество видов и родов войск [4].

Вторым направлением по обеспечению безопасности называется сотрудничество в рамках борьбы с терроризмом и другими угрозами, исходящими от нелегальных групп и формирований. В материалах дискуссии выделяются два вектора. Восточный

вектор реализуется в рамках антитеррористических учений с Таиландом и взаимодействия с Индонезией по обеспечению безопасности на море и служит укреплению отношений со странами АСЕАН [22]. В рамках центральноазиатского вектора Индия преследует двоякую цель. С одной стороны, после начала операции США в Афганистане она стала развивать контакты с бывшими советскими республиками в рамках совместных антитеррористических и военных учений, подготовки специалистов, обмена информацией, модернизации военной инфраструктуры. Интересы сторон здесь совпали в том, в Средней Азии присутствует ряд очагов религиозного экстремизма, и Джамму и Кашмир рассматривается в Нью-Дели как штат, наиболее уязвимый для проникновения экстремистского и террористического влияния в Индию [5]. Этими шагами страна заложила основу для сети двусторонних отношений в регионе в сфере безопасности. С другой стороны, большое значение придаётся участию в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), расширение которой в Индии понимают как превращение её в организацию по решению проблем региональной безопасности. Это, по мнению М. Сингх Рой и Р. Роя, в Нью-Дели рассматривают в качестве возможности для укрепления экономических связей с другими участниками ШОС. Ключевым аспектом для реализации этой стратегии называется обмен разведывательной информацией. Здесь Индия заинтересована предложить свои технологии и решения ведения спутниковой разведки [5] и тем самым в рамках организации сформировать относительно устойчивое поле кооперации, возникшее на пересечении проблем безопасности, экономики, технологий.

В целом дискуссия по вопросам обеспечения безопасности фактически касается двух базовых взаимосвязанных, но противоположных по смыслу практик взаимодействия и противодействия. Фактически доминирует точка зрения, что ключевую угрозу представляет Китай, которую можно сдерживать с помощью взаимодействия с широким спектром партнёров в ИТР, а также укрепления морской гражданской и военной инфраструктуры. Судя по степени связанности обозначенных практик, второй по значимости угрозой является терроризм в совокупности с другими угрозами, исходящими от нелегальных групп. Противодействие им позволяет развить кооперацию по сравнительно широкому спектру взаимосвязанных вопросов, относящихся к сферам безопасности, экономики, технологий. Слабее всего воспринимается угроза, исходящая от США. На это указывает как эпизодичность такой точки зрения, так и признание большинством экспертов, что именно сотрудничество с этой страной способно укрепить позиции Индии в противостоянии с Китаем.

ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА

Третьим обширным полем индийского курса в Индо-Пацифике является комплекс экономических проблем, включающих развитие национальной экономики, торговли, транспортных коммуникаций, международной интеграции, энергетики. В материалах дискуссии выделяются две причины интенсификации экономической политики Нью-Дели. Первая заключается в геэкономических проектах Китая, которые несут существенный риск переориентировать торговлю Бангладеш, Шри-Ланки и Мальдив в его пользу, потеснить Индию с позиций лидера двусторонней торговли [16]. Вторая причина связана с обострением индо-пакистанских отношений, вследствие чего Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), основной интеграционный формат Южной Азии, в рамках которого Индия стремилась укреплять торгово-экономические связи, перестал эффективно работать, и ему требовалось найти замену [32].

Применительно к комплексу экономических вопросов в материалах дискуссии доминирует географический подход, которому подчиняется проблемная структура.

Формально в качестве ключевой области экономического курса выделяют Южную Азию, за исключением Пакистана, а также Мьянму и Таиланд, находящиеся на берегу Бенгальского залива. В отношении них курс реализуется как в рамках сети двусторонних связей, так и через интеграционные объединения. К последним относятся ББИН¹, который оценивается и как контрбаланс в отношении Пакистана [38], и как важнейший элемент политики Н. Моди «Соседи прежде всего» по улучшению отношений со своим ближайшим географическим окружением [10, р. 45—46], а также БИМСТЕК, который трактуется как противовес Китаю [38].

В целом обе эти инициативы, по замыслам Нью-Дели, были призваны решить ключевые проблемы интеграции: дополнить морские связи сухопутными и интенсифицировать торговлю. В то же время их реализация столкнулась с мощными ограничителями. С. Кумар называет следующие из них. Первый связан с тем, что ставка была сделана на продвижение интересов вовлечённых сторон. Поскольку в состав участников вошли страны с разным уровнем развития, то и их цели в рамках реализации проектов оказались различными. Для Индии важны развитие транспорта, туризма, решение экологических и природных проблем, борьба

¹ Аббревиатура образована как акроним по названиям вошедших в него стран: Бангладеш, Бутана, Индии, Непала.

с терроризмом и трансграничной преступностью. Интересы Бангладеш группируются в сферах торговли и инвестиций. Для Мьянмы важнее придать стимулы аграрному и энергетическому секторам. Шри-Ланка заинтересована в импорте технологий как основы для развития национального хозяйства. Таиланд выводит в повестке на первое место рыболовство, межчеловеческий обмен и здравоохранение. Непалу важнее всего победить бедность, а Бутан делает ставку на культурное влияние.

Вторым ограничителем выступает ряд проблем двусторонних отношений: между Индией и Бангладеш они касаются нелегальной миграции и ввоза фальшивой валюты, между Индией и Непалом существует проблема нелегального ввоза наркотиков и оружия, между Мьянмой и Таиландом — угроза подрыва мьянманского суверенитета через поддержку национальных меньшинств с антиправительственными взглядами, Бангладеш обеспокоен милитаризацией Мьянмы [32].

Вследствие этих противоречий, по оценке С. Кумара, поставленные цели пока остаются недостижимыми: строительство сухопутных путей на северо-востоке Индии реализуется медленными темпами, а торговля, несмотря на то что её объём для Индии вырос на 10%, между всеми членами объединения увеличилась всего на 0,62% [32].

В этих условиях, о чём свидетельствуют исследования внешнеэкономических связей, Индии приходится делать ставку на отдельные элементы двустороннего сотрудничества. С Бангладеш, несмотря на существующие противоречия, развивается транспортная сеть, важная для интеграции континентальной северо-восточной окраины Индии с основной частью страны и морскими коммуникациями, Шри-Ланке оказывается помощь в восстановлении после пандемии COVID-19 и поставляется произведённая на индийских фабриках вакцина, в Бутане планируется строительство ГЭС как источника дешёвой электроэнергии для этой страны, а также для периферийных и экономически слабых северо-восточных районов Индии, с Вьетнамом заключён контракт на строительство патрульных судов на индийских верфях, а индийские предприятия рассматривают возможность выноса туда отдельных производств [10, р. 80—85, 106; 14; 26].

Следующим по значимости элементом экономической стратегии Индии являются отношения с Японией. Их основы были заложены и планомерно развиваются ещё с периода первого премьерства С. Абэ.

Группа М.К. Барая, а также С.Р. Чаудхари и К.Ч. Дас выделили ряд ключевых факторов, обусловивших рост японского интереса к Индии. Во-первых, при замедлении японской экономики

происходил рост других экономик Азии: китайская вышла на второе место в мире по своим размерам, рост благосостояния сделал вынос производств в Китай невыгодным, а индийская экономика почти сравнялась с японской. КНР прочно заняла свою глобальную нишу в некоторых отраслях машиностроения, в которых прежде одними из ведущих игроков были японские компании. Во-вторых, Индия выступала со своими, хотя и не в полную меру работающими, интеграционными инициативами, что могло стать основой для развития инфраструктурных проектов, альтернативных китайскому [9; 13; 16]. В-третьих, между Индией и Японией в 2007 г. было заключено Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнёрстве, которое предполагало:

- либерализацию торговли товарами и услугами,
- рост инвестиций и обеспечение их защиты,
- защиту прав интеллектуальной собственности,
- принятие законов, обеспечивающих конкуренцию,
- улучшение среды для ведения бизнеса,
- создание основы для более тесной кооперации в перечисленных областях (приводится по: [13]).

В совокупности эти условия позволили Японии к середине 2010-х гг. включить Индию в инвестиционную стратегию с целью создания экспортной базы для национальной экономики. Тем не менее стороны столкнулись с рядом ограничителей, не зависящих от проводимого курса. В качестве таковых экономисты выделяют следующие факторы: индийская рабочая сила ориентирована на третичный сектор, в то время как японские компании заинтересованы в создании промышленных производств; невысокая эффективность труда не позволяет производить товары требуемого японской стороной качества; неспособность индийских рабочих перенять японскую культуру труда, которую привносят инвесторы; неготовность японских инвесторов признать за рабочими право на забастовку; низкий уровень производственной культуры и недостаточный инновационный потенциал экономики Индии [9; 10, p. 117].

По оценкам исследователей, вследствие, с одной стороны, высокой заинтересованности в сотрудничестве на уровне правительств, и, с другой стороны, не зависящих от неё ограничений, ключевой сферой японских инвестиций внутри самой Индии стали инфраструктурные проекты, включая строительство скоростной железной дороги, локализацию производств, в том числе машиностроительных, передачу соответствующих технологий индийской стороне [10, p. 114; 13]. Также страны реализуют совместный портовый проект в Коломбо, вкладывая средства в развитие контейнерного терминала и сотрудничая с шри-ланкийской

портовой администрацией [10, p. 50]. В целом эти проекты позволяют усилить связанность между промышленными центрами и логистическими узлами внутри самой Индии, а также укрепить её транспортные связи со странами АСЕАН, которые выступают одними из важнейших поставщиков сырья для индийской промышленности, отработать практику совместных транспортных проектов, альтернативных китайским.

Следующий вектор экономического взаимодействия ориентирован на страны Центральной Азии, сотрудничество с которыми локализовано в четырёх сферах: технологии, пищевая промышленность, транспортные проекты, энергетика.

Первая из названных областей является старейшей для сотрудничества Индии и стран региона в постбиполярный период: в её рамках были созданы ИТ-центры в среднеазиатских государствах, информатизированы государственные учреждения, построен биотехнологический центр в Киргизии, оказывалось содействие в развитии профильного образования.

Второй сферой стало создание и модернизация мощностей пищевой промышленности в странах региона [5].

По оценкам У. Пурушотханам и Н. Уникришна, изначальная ставка на эти аспекты в отношениях была вызвана трудностями транспортных коммуникаций между Индией и Центральной Азией [38]. Однако данная проблема не единственная, на примере энергетического сотрудничества Р. Прадхан продемонстрировал, что политическая нестабильность и неповоротливость индийской бюрократии в не меньшей степени ограничивают взаимодействие сторон. Туркмения рассматривалась важным поставщиком газа, однако из-за политической нестабильности региона и межгосударственных противоречий газопровод «Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия» (ТАПИ) не был построен. В отношении Киргизии и Таджикистана взаимодействие дальше интереса по интеграции энергосистем пока не пошло. В случае с Казахстаном договор о разработке нефтяного месторождения остаётся нереализованным. Единственным осуществлённым проектом является пуск экспортной линии электропередач из Узбекистана [36].

Ограниченное сотрудничество Индии с государствами региона называется основной причиной неудачи её центральноазиатской экономической политики, вследствие чего она проигрывает в регионе США, КНР и России [36].

Последним вектором экономической политики Индии в ИТР, анализируемым индийскими исследователями, является африканский. Основной акцент сделан на развитии транспортной инфраструктуры. С одной стороны, как сутобо индийская инициатива выделяется проект Сагам, нацеленный на установление морских

связей с ключевыми портами Восточной Африки, расширением контактов и интенсификацией торговли [38].

С другой стороны, он очень близок японской инициативе Афроазиатского коридора развития (ААКР). Вследствие того, что географически проекты сопрягаются, а Нью-Дели и Токио являются партнёрами, проекты Сагам и ААКР рассматриваются как взаимодополняющие, отвечающие индийским интересам развития инфраструктурной связанности и кооперации с Восточной Африкой [17].

Общая картина дискуссии об экономическом аспекте индо-тихоокеанского курса Индии позволяет заключить, что в центре исследовательского внимания находятся проекты и построение сети связей с другими странами региона. В зависимости от проблемы акцент делается на транспортной связанности или на успехах и сложностях сотрудничества в отдельных отраслях. В целом истории успеха, которые анализировались экономистами, локализованы в достаточно ограниченном пространстве ряда двусторонних отношений, где взаимные интересы совпадают в наибольшей мере. Основной критике главным образом подвергается непоследовательное внешнеэкономическое планирование, не позволяющее перевести в практическую плоскость потенциал отношений. В то же время за рамками дискуссии остаются отдельные интеграционные инициативы Нью-Дели, которые прямо не касаются построения связей с другими государствами. К их числу, например, относится финансовая инициатива Нового банка развития, реализуемая в рамках БРИКС, позволяющая Нью-Дели проводить более самостоятельную политику в вопросе инвестиций в транспортную инфраструктуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом в современной дискуссии об индо-тихоокеанском курсе Нью-Дели доминируют исследования, посвящённые практике, в то время как анализ его фундаментальных основ проводится в небольшом числе работ. Фактически эти два направления предстают двумя измерениями исследовательского нарратива. Если не вдаваться в подробности терминологических споров и соответствующей аргументации, изложенные точки зрения свидетельствуют о конвергенции традиционных, многовековых основ индийской культуры, британского влияния и наследия Дж. Неру в вопросах определения идейно-теоретического фундамента современной внешней политики Индии.

В отличие от лагеря «теоретиков» в лагере «практиков» подобного единства не наблюдается. Это объясняется, с одной стороны,

объективными причинами: внешняя политика реализуется во множестве географических направлений и во множестве функциональных сфер, при этом набор последних различается от региона к региону, от страны к стране. С другой стороны, в разных проблемных полях присутствует критика разной степени, разного характера и разной направленности.

В качестве сферы, где критическое восприятие превалирует, выделяется экономика. Наибольший интерес в этой области вызывают проекты по построению связей с различными субрегионами ИТР, в чём можно усмотреть поддержку многовекторной политики со стороны академического сообщества. Наиболее важными её аспектами считаются как установление разноплановых контактов с другими странами ИТР, так и обеспечение иностранных инвестиций в национальную инфраструктуру, необходимую для связи с внешним миром. Критические замечания направлены в отношении индийского правительства и касаются непоследовательной практической реализации курса, отрыва заявленных целей от реальных условий, высокой роли бюрократии, тормозящей поступательное развитие внешнеэкономических связей.

В меньшей степени критические исследования связаны с политической проблематикой. В целом едины во мнении, что Индии необходимо проводить многовекторную политику, которая не только позволяет диверсифицировать контакты, но и обеспечивает сдерживание Китая, представляющего наибольшую угрозу. Вместе с этим меньшинство указывает на опасность, исходящую и от США. Приверженцы данной точки зрения не считают обязательным отказ от сотрудничества с Вашингтоном, но видят необходимость чётко ограничить его областями, где интересы двух сторон совпадают. В том случае, если они расходятся, по их мнению, лучше не допускать сотрудничества с США или предпринять превентивные меры, чтобы сохранить выгодную для Индии архитектуру региональных отношений.

Наиболее монолитной представляется дискуссия, посвящённая вопросам безопасности. В ней независимо от направления доминирует точка зрения о необходимости сдерживать растущее влияние Китая с помощью многовекторного и многомерного сотрудничества. Критическая точка зрения, что угроза исходит не только от КНР, но и от США, делающих ставку на военно-политическое взаимодействие в ИТР и ослабление взаимовыгодных связей, представлена в дискуссии в порядке исключения.

В целом это свидетельствует о разной степени единства мнений и разном характере критики. Большая согласованность наблюдается в экономической дискуссии, где различия имеют сугубо географический характер, в то время как проблематика исследований

и критические интерпретации курса весьма близки. Единство мнений также характерно и для исследований по проблемам безопасности, однако критика в них приобретает иной характер. Если в экономической сфере сюжеты позитивной и негативной оценки предстают общими, то здесь сходство взглядов определяется феноменом «внешней угрозы», а основная дискуссия касается трактовки этого явления. Большинство экспертов таковой считают Китай, а об американской угрозе пишется эпизодически. Меньше всего единства наблюдается в дискуссиях о политической составляющей. Общей позицией является необходимость реагировать на вызовы, исходящие от ведущих держав современности, через расширение контактов, в то время как единая точка зрения, какую страну считать наиболее значимой угрозой — Китай или США, отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Внешнеполитический процесс в странах Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2011. 336 с.
2. Мохан С.Р. Индия и политическое равновесие // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indiya-i-politicheskoe-ravnovesie/> (дата обращения: 26.03.2023).
3. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия — наука и искусство. М.: Международные отношения; Юрайт-Издат, 2006. 576 с.
4. Сингх А. Военно-морские учения в Индийском океане: ложка дёгтя для Индии. 16.12.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/voennomorskije-ucheniya-v-indijskom-okeane/> (дата обращения: 26.03.2023).
5. Сингх Рой М., Рой Р. Инициативы Индии в Центральной Азии: восстановление связей в регионе // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина, В.И. Якунина. М.: Весь мир, 2019. С. 303—334.
6. Солодкова О. Другое прошлое // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 6. С. 48—61.
7. AUKUS, Trilateral Security Partnership: Joint Op-ed by UK, US and Australia. 29 September, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/aukus-trilateral-security-partnership-joint-op-ed-by-uk-us-and-australia> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Banerjee S. US Retrenchment on Stability of the Gulf Region // Journal of Asian Economic Integration. 2020. Vol. 2. No. 2. P. 221—239. DOI 10.1177/2631684620940478.
9. Barai M.K., Kar R.N., Bhasin N. Understanding the Indo-Japan Relations in the Asia-Pacific Century // Global Business Review. 2015. Vol. 16. No. 6. P. 1061—1081. DOI 10.1177/0972150915597610.
10. Borah R. The Strategic Relations between India? The United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three Is Not a Crowd. Singapore: World Scientific, 2022. 175 p.
11. Chandra V. India's Accommodation in the Emerging International Order: Challenges and Prospects // India Quarterly. 2018. Vol. 74. No. 4. P. 420—437. DOI 10.1177/0974928418802075.

12. Choudhury A., Morthy P. Startegic-Maritime Triangle in the Indian Ocean: An Emerging Indo-US Naval Entity? // *India Quarterly*. 2018. Vol. 74. No. 3. P. 305—325. DOI 10.1177/0974928418785477.
13. Choudhury S.R. India—Japan Relations: Economic Cooperation Enabling Strategic Partnership // *International Studies*. 2018. Vol. 54. No. 1—4. P. 106—126. DOI 10.1177/0020881718791404.
14. Cogan M.S., Mishra V. India—Thailand Security Cooperation: Strengthening the Indo-Pacific Resolve // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 36—56. DOI 10.1177/2347797020906651.
15. Dar A.I. India—Vietnam Axis and China: The Allure of Hedging // *India Quarterly*. 2021. Vol. 77. No. 2. P. 252—268. DOI 10.1177/09749284211005011.
16. Das K.Ch. Economic Interdependence Since COVID-19: China and South Asia // *China Report*. 2021. P. 1—21. DOI 10.1177/0094455211039106.
17. Das K.Ch. International Connectivity Initiatives by China and India for the Developing Countries // *South Asian Survey*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 101—116. DOI 10.1177/0971523118808075.
18. Das S. Middle Power Cooperation in the Indo-Pacific: India and Australia at the Forefront // *International Studies*. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/00208817211056742> (дата обращения: 26.12.2021). DOI 10.1177/00208817211056742.
19. Dasgupta A. India's Strategy in the Indian Ocean Region: A Critical Aspect of India's Energy Security // *Jadavapur Journal of International Relations*. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 39—57. DOI 10.1177/0973598418757817.
20. Dhar S. *Chanaka and the Arthasastra*. Bangalore: The Indian Institute of World Culture, 1957. May. Transaction No. 28. 16 p.
21. Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Strategy. October 2015. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
22. Gurunathan A., Moorthy M. Riding the Indo-Pacific Wave: Indo—ASEAN Partnership Sans RCEP // *India Quarterly*. 2021. Vol. 77. No. 4. P. 560—578. DOI 10.1177/09749284211047707.
23. *India's Economy. Performance and Challenges* / ed. by Sh. Acharya, R. Mohan. New Delhi: Oxford University Press, 2011. 465 p.
24. *India's National Security Strategy*. March 2019. URL: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
25. Kaul N. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 297—337. DOI 10.1093/irap/lcab010.
26. Khurana G.S. BIMSTEC and Maritime Security: Issues, Imperatives and Way ahead. URL: <https://maritimeindia.org/bimstec-and-maritime-security-issues-imperatives-and-way-ahead/> (дата обращения: 26.03.2023).
27. Khurana G.S. India as Challenge to China's BRI. URL: <https://maritimeindia.org/india-as-challenge-to-chinas-bri/> (дата обращения: 26.03.2023).
28. Khurana G.S. The Focus Is on Indo-Pacific. URL: <https://maritimeindia.org/the-focus-is-on-indo-pacific/> (дата обращения: 26.03.2023).
29. Khurana G.S. The “Indo-Pacific” Concept: Retrospect and Prospect. URL: <https://maritimeindia.org/the-indo-pacific-concept-retrospect-and-prospect> (дата обращения: 26.03.2023).
30. Kira H. Saffronizing Diplomacy: The Indian Foreign Service under Hindu Nationalist Rule // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. No. 2. P. 423—441. DOI 10.1093/ia/iiab220.
31. Kumar P. India Balancing China: Exploring Soft Balancing through Indo-Pacific // *Millennial Asia*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 339—359. DOI 10.1177/0976399621998274.

32. Kumar S. Reinvigoration of BIMSTEC and India's Economic, Strategic and Security Concerns // *Millennial Asia*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 187—210. DOI 10.1177/0976399620925441.
33. Kumar Sh., Verma S.S., Hussein Shah Sh. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture // *South Asia Research*. 2020. Vol. 40. No. 2. P. 215—230. DOI 10.1177/02627280204915564.
34. Mitra S.K. *Politics in India. Structure, Process and Policy*. New Delhi: Oxford University Press, 2014. 405 p.
35. Ngaibakching, Pande A. India's Act East Policy and ASEAN: Building a Regional Order Through Partnership in the Indo-Pacific // *International Studies*. 2020. Vol. 57. No. 1. P. 67—78. DOI 10.1177/0020881719885526.
36. Pradhan R. Energy Geopolitics and the New Great Game in Central Asia // *Millennial Asia*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 265—288. DOI 10.1177/09763996211003260.
37. Prakash A. The India—China Confrontation: A View of Seawards // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 62—76. DOI 10.1177/12347797021992528.
38. Purushothanam U., Unikrishnan N. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia // *India Quarterly*. 2019. Vol. 75. No. 1. P. 69—86. DOI 10.1177/097492841882148.
39. Saimun R. The Prospects of Belt and Road Initiative in the Context of Bangladesh // *China Report*. 2020. Vol. 56. No. 4. P. 464—483. DOI 10.1177/009445520930396.
40. Sundararaman Sh. India—ASEAN Relations: “Acting” East in the Indo-Pacific // *International Studies*. 2018. Vol. 54. No. 1—4. P. 62—81. DOI 10.1177/0020881718787575.
41. Vijayalakshmi K.P. India—U.S. Strategic Partnership: Shifting American Perspectives on Engaging India // *International Studies*. 2018. Vol. 54. No. 1—4. P. 42—61. DOI 10.1177/0020881718791403.
42. Yasmin L. India and China in South Asia: Bangladesh's Opportunities and Challenges // *Millennian Asia*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 322—336. DOI 10.1177/0976399619879864.

REFERENCES

1. *Vneshnepoliticheskiy protsess v stranakh Vostoka* [Foreign Policy Process in the Countries of the East]. Ed. by D.V. Streltsov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011, 336 p. (In Russ.)
2. Mokhan S.R. *Indiya i politicheskoe ravnovesie* [India and Political Balance]. *Rossiya v global'noy politike*, 2006, no. 4. Available at: <https://glabalaffairs.ru/articles/indiya-i-politicheskoe-ravnovesie/> (accessed 26.03.2023). (In Russ.)
3. Popov V.I. *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya — nauka i iskusstvo* [Contemporary Diplomacy: Theory and Practice. Diplomacy — Science and Art]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., Yurait-Izdat Publ., 2006, 576 p. (In Russ.)
4. Singh A. *Voenno-morskie ucheniya v Indiyском okeane: lozhka degtya dlya Indii* [Naval Exercise in the Indian Ocean: A Fly in the Ointment for India]. 16.12.2019. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/voenno-morskie-ucheniya-v-indiyskom-okeane/> (accessed 26.03.2023). (In Russ.)
5. Singh Roy M., Roy R. *Iniatsiivy Indii v Tsentral'noy Azii: vosstanovlenie svyazey v regione* [India's Initiatives in Central Asia: Rapprochement of Ties with the Region]. *Puti i Poyasa Evrazii. Natsional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evraziyskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya* [Eurasian Roads and Belts. National and International Projects for Development in the Eurasian

- Space and Prospects for its Pairing]. Ed. by A.V. Lukin, V.I. Yakunin. Moscow, Ves' mir Publ., 2019, pp. 303—334. (In Russ.)
6. Solodkova O. Drugoe proshloe [The Other Past]. *Rossiya v global'noy politike*, 2020, vol. 18, no. 6, pp. 48—61. (In Russ.)
 7. AUKUS, *Trilateral Security Partnership: Joint Op-ed by UK, US and Australia*. 29 September, 2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/aukus-trilateral-security-partnership-joint-op-ed-by-uk-us-and-australia> (accessed 20.10.2021). (In Eng.)
 8. Banerjee S. US Retrenchment on Stability of the Gulf Region. *Journal of Asian Economic Integration*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 221—239. DOI 10.1177/2631684620940478. (In Eng.)
 9. Barai M.K., Kar R.N., Bhasin N. Understanding the Indo-Japan Relations in the Asia-Pacific Century. *Global Business Review*, 2015, vol. 16, no. 6, pp. 1061—1081. DOI 10.1177/0972150915597610. (In Eng.)
 10. Borah R. *The Strategic Relations Between India? The United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three Is Not a Crowd*. Singapore, World Scientific Publ., 2022, 175 p. (In Eng.)
 11. Chandra V. India's Accommodation in the Emerging International Order: Challenges and Prospects. *India Quarterly*, 2018, vol. 74, no. 4, pp. 420—437. DOI 10.1177/0974928418802075. (In Eng.)
 12. Choudhury A., Morthy P. Startegic-Maritime Triangle in the Indian Ocean: An Emerging Indo-US Naval Entity? *India Quarterly*, 2018, vol. 74, no. 3, pp. 305—325. DOI 10.1177/0974928418785477. (In Eng.)
 13. Choudhury S.R. India—Japan Relations: Economic Cooperation Enabling Strategic Partnership. *International Studies*, 2018, vol. 54, no. 1—4, pp. 106—126. DOI 10.1177/0020881718791404. (In Eng.)
 14. Cogan M.S., Mishra V. India—Thailand Security Cooperation: Strengthening the Indo-Pacific Resolve. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 36—56. DOI 10.1177/2347797020906651. (In Eng.)
 15. Dar A.I. India—Vietnam Axis and China: The Allure of Hedging. *India Quarterly*, 2021, vol. 77, no. 2, pp. 252—268. DOI 10.1177/09749284211005011. (In Eng.)
 16. Das K.Ch. Economic Interdependence Since COVID-19: China and South Asia. *China Report*, 2021, pp. 1—21. DOI 10.1177/0094455211039106. (In Eng.)
 17. Das K.Ch. International Connectivity Initiatives by China and India for the Developing Countries. *South Asian Survey*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 101—116. DOI 10.1177/0971523118808075. (In Eng.)
 18. Das S. Middle Power Cooperation in the Indo-Pacific: India and Australia at the Forefront. *International Studies*, 2021. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/002088172111056742> (accessed 26.12.2021). DOI 10.1177/002088172111056742. (In Eng.)
 19. Dasgupta A. India's Strategy in the Indian Ocean Region: A Critical Aspect of India's Energy Security. *Jadavapur Journal of International Relations*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 39—57. DOI 10.1177/0973598418757817. (In Eng.)
 20. Dhar S. *Chanaka and the Arthasastra*. Bangalore, The Indian Institute of World Culture Publ., 1957, May, transaction no. 28, 16 p. (In Eng.)
 21. *Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Strategy*. October 2015. Available at: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed 05.09.2022). (In Eng.)
 22. Gurunathan A., Moorthy M. Riding the Indo-Pacific Wave: Indo—ASEAN Partnership Sans RCEP. *India Quarterly*, 2021, vol. 77, no. 4, pp. 560—578. DOI 10.1177/09749284211047707. (In Eng.)
 23. *India's Economy. Performance and Challenges*. Ed. by Sh. Acharya, R. Mohan R. New Delhi, Oxford University Press Publ., 2011, 465 p. (In Eng.)

24. *India's National Security Strategy*. March 2019. Available at: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed 23.09.2021). (In Eng.)
25. Kaul N. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 297—337. DOI 10.1093/irap/lcab010. (In Eng.)
26. Khurana G.S. *BIMSTEC and Maritime Security: Issues, Imperatives and Way ahead*. Available at: <https://maritimeindia.org/bimstec-and-maritime-security-issues-imperatives-and-way-ahead/> (accessed 26.03.2023). (In Eng.)
27. Khurana G.S. *India as Challenge to China's BRI*. Available at: <https://maritimeindia.org/india-as-challenge-to-chinas-bri/> (accessed 26.03.2023). (In Eng.)
28. Khurana G.S. *The Focus Is on Indo-Pacific*. Available at: <https://maritimeindia.org/the-focus-is-on-indo-pacific/> (accessed 26.03.2023). (In Eng.)
29. Khurana G.S. *The "Indo-Pacific" Concept: Retrospect and Prospect*. Available at: <https://maritimeindia.org/the-indo-pacific-concept-retrospect-and-prospect> (accessed 26.03.2023). (In Eng.)
30. Kira H. Saffronizing Diplomacy: The Indian Foreign Service under Hindu Nationalist Rule. *International Affairs*, 2022, vol. 98, no. 2, pp. 423—441. DOI 10.1093/ia/iab220 (In Eng.)
31. Kumar P. India Balancing China: Exploring Soft Balancing through Indo-Pacific. *Millennial Asia*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 339—359. DOI 10.1177/0976399621998274. (In Eng.)
32. Kumar S. Reinvigoration of BIMSTEC and India's Economic, Strategic and Security Concerns. *Millennial Asia*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 187—210. DOI 10.1177/0976399620925441. (In Eng.)
33. Kumar Sh., Verma S.S., Hussein Shah Sh. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research*, 2020, vol. 40, no. 2, pp. 215—230. DOI 10.1177/02627280204915564. (In Eng.)
34. Mitra S.K. *Politics in India. Structure, Process and Policy*. New Delhi, Oxford University Press Publ., 2014, 405 p. (In Eng.)
35. Ngaibiakching, Pande A. India's Act East Policy and ASEAN: Building a Regional Order Through Partnership in the Indo-Pacific. *International Studies*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 67—78. DOI 10.1177/0020881719885526. (In Eng.)
36. Pradhan R. Energy Geopolitics and the New Great Game in Central Asia. *Millennial Asia*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 265—288. DOI 10.1177/09763996211003260. (In Eng.)
37. Prakash A. The India—China Confrontation: A View of Seawards. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 62—76. DOI 10.1177/12347797021992528. (In Eng.)
38. Purushothanam U., Unikrishnan N. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia. *India Quarterly*, 2019, vol. 75, no. 1, pp. 69—86. DOI 10.1177/097492841882148. (In Eng.)
39. Saimun R. The Prospects of Belt and Road Initiative in the Context of Bangladesh. *China Report*, 2020, vol. 56, no. 4, pp. 464—483. DOI 10.1177/009445520930396. (In Eng.)
40. Sundararaman Sh. India—ASEAN Relations: "Acting" East in the Indo-Pacific. *International Studies*. 2018, vol. 54, no. 1—4, pp. 62—81. DOI 10.1177/0020881718787575. (In Eng.)
41. Vijayalakshmi K.P. India—U.S. Strategic Partnership: Shifting American Perspectives on Engaging India. *International Studies*, 2018, vol. 54, no. 1—4, pp. 42—61. DOI 10.1177/0020881718791403. (In Eng.)
42. Yasmin L. India and China in South Asia: Bangladesh's Opportunities and Challenges. *Millennian Asia*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 322—336. DOI 10.1177/0976399619879864. (In Eng.)